

Глава I

Я выпростал руку из-под одеяла и позвонил Дживсу.

— Добрый вечер, Дживс.

— Доброе утро, сэр.

Я удивился.

— Разве сейчас утро?

— Да, сэр.

— Вы уверены? За окнами совсем темно.

— Это туман, сэр. На дворе осень — вы, конечно, помните: «Пора плодоношенья и туманов...»

— Пора чего?

— Плодоношенья, сэр, и туманов.

— А-а, ну да, конечно. Все это прекрасно, Дживс, однако сделайте любезность, приготовьте мне одну из ваших смесей для воскрешения из мертвых.

— Уже приготовил, сэр, она ждет в холодильнике.

Он выскользнул из спальни, а я сел в постели с не слишком приятным и таким знакомым ощущением, что вот сейчас-то я и отдам Богу душу. Накануне вечером я ужинал в «Трутнях» с Гасси Финк-Ноттлом, которому закатил мальчишник,

чтобы он в кругу друзей простился с холостой жизнью перед предстоящим бракосочетанием с Мадлен Бассет, единственной дочерью сэра Уоткина Бассета, кавалера ордена Британской империи второй степени, а за подобное времяпрепровождение приходится жестоко расплачиваться, и пока я дождался Дживса, мне представлялось, будто какая-то скотина вбивает мне в башку железный кол, но кол не простой и обыкновенный, каким Хеверова жена Иаиль пронзила череп Сисаре, а докрасна раскаленный.

Вернулся Дживс с эликсиром жизни. Я залпом осушил стакан и, пройдя полный курс крестных мук, который непременно следует за принятием изобретенных Дживсом животворных бальзамов, — например, мое темя взлетело к потолку, а глаза выпрыгнули из орбит и, ударившись о стену, отскочили, как теннисные мячи, — почувствовал себя лучше. Было бы преувеличением утверждать, что ваш покорный слуга Бертрам Вустер совсем ожил, однако толика сил вернулась, я даже обрел способность вести беседу.

— О-хо-хо! — произнес я, изловив свои глаза и водворяя их на место. — Ну как, Дживс, что новенького в мире? У вас ведь в руках газета?

— Нет, сэр. Это путеводители из туристического агентства. Я подумал, может быть, вам будет интересно полистать.

— В самом деле, Дживс? — спросил я. — Вы действительно так подумали?

Последовало непродолжительное и, как я бы определил, многозначительное молчание.

Когда два человека с железной волей живут в тесном контакте друг с другом, конфликты между ними просто неизбежны, и именно такой конфликт разгорелся сейчас в доме Берти Вустера. Дживс вознамерился выманить меня в кругосветное путешествие, а мне даже думать об этом тошно. Я решительно заявил, что никуда не поеду, и все равно Дживс чуть не каждый день приносит мне пачки иллюстрированных проспектов, при помощи которых разные бюро путешествий соблазняют нас сняться с насиженных мест и мчаться черт знает куда любоваться красотами природы. Глядя на Дживса, я каждый раз представляю себе хорошо натасканного охотничьего пса, который упорно приносит в гостиную дохлых крыс и кладет на ковер, как ему ни объясняй, что в подобных услугах здесь не нуждаются, более того, эти услуги обременительны.

— Дживс, выкиньте эту блажь из головы, — сказал я.

— Путешествия чрезвычайно обогащают новыми познаниями, сэр.

— Я в новых познаниях не нуждаюсь, сыт по горло тем, что напичкали в меня, пока учился. А вот что с вами происходит, я отлично знаю. В вас снова проснулась кровь ваших предков, викингов. Вы жаждете вдохнуть соленый запах моря. Вы мысленно разгуливаете по палубе в белой капитанской фуражке. Возможно, кто-то прожужжал вам уши о танцовщицах острова Бали. Что ж, я вас понимаю, я вам даже сочувствую. Но все это не для меня. Я не позволю погрузить себя на океанский лайнер, пропади они все пропадом, и волочь вокруг света.

— Как вам будет угодно, сэр.

В его голосе я уловил легкую иронию: разозлиться он не разозлился, но был явно разочарован, и я дипломатично переменял тему.

— Эх, Дживс, и кутнули мы вчера!

— Хорошо провели время, сэр?

— Да уж, повеселились на славу. Гасси просил передать вам привет.

— Я высоко ценю его любезность, сэр. Надеюсь, мистер Финк-Ноттл был в добром расположении духа?

— О, лучше некуда, особенно если вспомнить, что близится час, когда он станет зятем сэра Уоткина Бассета. Слава богу, что он, а не я, Дживс, — могу лишь благодарить Всевышнего.

Произнес я это с большим жаром, сейчас объясню почему. Нынешней весной, когда мы праздновали победу в Гребных гонках, я попал в суровые лапы Закона за попытку освободить голову полицейского от его каски и, сладко проспав ночь на голой деревянной скамье в участке, был доставлен на Бошер-стрит и оштрафован на пять фунтов — на целых пять моих кровных фунтов. Мировой судья, который вынес этот возмутительно несправедливый приговор, — должен признаться, публика встретила его одобрительными возгласами, — был не кто иной, как старикан Бассет, папаша будущей невесты Гасси.

Как потом выяснилось, я оказался одной из его последних жертв, потому что буквально через полмесяца он получил от дальнего родственника очень неплохое наследство, оставил службу и перебрался жить в деревню. Так, во всяком случае, он сам

представил дело, но лично я убежден, что это самое «наследство» он сколотил, прикарманивая штрафы. Хапнет у одного пятерку, хапнет у другого, третьего — глядишь, лет эдак через двадцать составиля солидный капиталец.

— Вы ведь помните, Дживс, эту злобную тварь? Настоящий изверг.

— Возможно, сэр, в кругу своей семьи сэр Уоткин не столь суров?

— Сомневаюсь. Цепного пса в овечку не превратишь. Ну да черт с ним. Письма есть?

— Нет, сэр.

— Кто-нибудь звонил?

— Да, сэр. Звонила миссис Траверс.

— Тетушка Далия? Стало быть, она вернулась в Лондон?

— Именно так, сэр. Она выразила желание побеседовать с вами, как только вы сможете ей позвонить.

— Я сделаю лучше, — великодушно решил я. — Явлюсь к ней собственной персоной.

И спустя полчаса я поднялся по ступеням ее особняка. Старый теткин дворецкий Сеппингс распахнул передо мной дверь, и я вошел в дом, не подозревая, что всего через несколько минут буду втянут в передрыгу, которая подвергнет фамильную честь Вустеров величайшему испытанию, какое только выпадало на долю представителей нашего славного рода. Я имею в виду эту кошмарную историю, в которой фигурировали Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, папаша Бассет, Стиффи Бинг, преподобный Г.П. Пинкер (Растяпа), серебряный сливочник в

форме коровы работы восемнадцатого века, а также маленький блокнот в кожаном переплете.

Нет, я не почувствовал приближения рокового поворота судьбы, даже слабая тень тревоги не омрачила моей безмятежной радости. Мне не терпелось увидеть тетю Далию — наверно, я уже говорил, что обожаю ее, она вполне этого заслуживает, и, пожалуйста, не путайте ее с тетей Агатой, та настоящая ведьма — ничуть не удивлюсь, если узнаю, что она с хрустом жует бутылочные осколки и надевает сорочку из колючей проволоки прямо на голое тело. Манили меня в этот дом не одни только интеллектуальные наслаждения — власть посплетничать с любимой теткой, я к тому же пламенно надеялся, что сумею напроситься к ней на обед. Кулинарные изыски ее повара, француза Анатоля, способны привести в восторг самого взыскательного гурмана.

Дверь в примыкающую к кухне малую столовую была открыта, и, проходя мимо, я увидел, что дядя Том колдует над своей коллекцией старинного серебра. Конечно, надо бы с ним поздороваться, спросить, как желудок, ведь старикан страдает несварением, но соображения здравого смысла одержали верх. Мой дядюшка из тех зануд, что, едва завидят племянника, хватать его за лацкан и ну просвещать по поводу серебряных подсвечников, античных листованных узоров, венков, резьбы, чеканки, барельефов, горельефов, романского орнамента в виде цепи выпуклых овалов у края изделия, так что я счел за благо не провоцировать его. Прикусил язык и на цыпочках в библиотеку, где, как мне сообщили, расположилась тетушка Далия.

Старушенция по самый перманент зарылась в ворах гранок. Всему свету известно, что сия изысканная дама — знаменитый издатель еженедельника для юных отпрысков благородных семейств, называется он «Будуар элегантной дамы». Однажды я написал для него статью под заголовком «Что носит хорошо одетый мужчина».

При моем появлении тетушка вынырнула из бумажки и в знак приветствия издала громкое «у-лю-лю», как в былые времена на травле лис, когда она считалась самой заметной фигурой в «Куорне», «Пайчли» и других охотничьих обществах, из-за которых лисы стали чувствовать себя в Англии довольно неуютно.

— Здорово, чучело, — произнесла она. — Зачем пожаловал?

— Насколько я понял, дражайшая родственница, вы изъявили желание побеседовать со мной.

— Но это вовсе не значит, что ты должен вломиться ко мне и оторвать от работы. Можно было все решить за полминуты по телефону. Но видно, чутье тебе подсказало, что у меня сегодня дел невпроворот.

— Если вы огорчились, что я не смогу пообедать с вами, спешу вас успокоить: останусь с величайшим удовольствием, как всегда. Чем нас порадует сегодня Анатолий?

— Тебя — ничем, мой юный жизнерадостный нахал. К обеду приглашена Помона Грайндл, она писательница.

— Буду счастлив познакомиться с Помоной Грайндл.

— Никаких знакомств. Мы обедаем вдвоем, только она и я. Я пытаюсь уговорить ее дать нам

для «Будуара» роман с продолжением. А ты, пожалуйста, сходи в антикварную лавку на Бромптон-роуд — она прямо за католическим собором, ты сразу увидишь, — и облей корову презрением...

Я ничего не понял. Было полное впечатление, что тетушка бредит.

— Какую корову? И зачем ее надо обливать презрением?

— В лавке продается сливочник работы восемнадцатого века, в форме коровы. Том после обеда хочет его купить.

Я начал прозревать.

— А, так эта штука серебряная?

— Серебряная. Такой старинный кувшинчик. Придешь в лавку, попросишь показать его тебе и охашешь последними словами.

— Но зачем?

— Ну ты и олух. Чтобы сбить с продавцов спесь. Посеять в их душах сомнения, выбить почву из-под ног и заставить снизить цену. Чем дешевле Том купит корову, тем больше обрадуется, а мне нужно, чтобы он был на седьмом небе от счастья, потому что, если Помона Грайндл согласится отдать нам роман, придется мне основательно разорить Тома. Эти знаменитые писательницы настоящие грабители. Так что не трать времени попусту, беги в лавку и с отвращением потряси головой.

Я всегда готов услужить любимой тетке, но на сей раз был вынужден объявить *polle prosequi**, как

* Прекращение производства дела (*лат.*). — Здесь и далее примеч. пер.

выразился бы Дживс. Его послепохмельные эликсиры поистине чудодейственны, но, даже приняв их, вы не в состоянии трясти головой.

— Голову я даже повернуть не могу. Во всяком случае, сегодня.

Она с осуждением выгнула правую бровь.

— Ах вот, значит, как? Предположим, твоя гнусная неводержанность лишила тебя способности владеть головой, но нос-то ты сморщить в состоянии?

— Это пожалуйста.

— Тогда действуй. И непременно фыркни. Громко и презрительно. Да, главное не забудь: скажи, что корова слишком молода.

— Зачем?

— Понятия не имею. Наверное, для серебряного изделия это большой изъян.

Она внимательно взгляделась в мое серое, как у покойника, лицо.

— Итак, мой птенчик вчера опять прожигал жизнь? Удивительное дело! Каждый раз, как я тебя вижу, ты страдаешь от жестокого похмелья. Неужели пьянствуешь беспробудно? Может быть, даже во сне пьешь?

Я возмутился:

— Обижаете, тетенька. Я напиваюсь только по особо торжественным случаям. Обычно я очень умерен: два-три коктейля, бокал вина за обедом, может быть, рюмка ликера с кофе — вот все, что позволяет себе ваш Бертрам Вустер. Но вчера вечером я устроил мальчишник для Гасси Финк-Ноттла.

— Ах вот оно что, мальчишник. — Она рассмеялась несколько громче, чем хотелось бы, учитывая мое болезненное состояние; впрочем, тетушка моя

дама своеобразная: от ее хохота штукатурка с потолка осыпается. — Да еще для Виски-Боттла! Кто бы мог подумать! Ну и как вел себя наш любитель тритонов?

— Разошелся — не остановить.

— Неужели даже спич произнес на этой вашей оргии?

— Произнес. Я сам удивился. Думал, будет краснеть, мямлить, отнекиваться, однако ничего подобного. Мы выпили за его здоровье, он поднимается, невозмутимый, как нашпигованный салом жареный фазан, — это сравнение Анатоля, — и буквально заворачивает нас своим красноречием.

— Надо полагать, еле на ногах держался?

— Напротив, был возмутительно трезв.

— Приятно слышать о такой перемене.

Мы мысленно перенеслись в тот летний день в ее имении в Вустершире, когда Гасси, не упустивший случая нагрузиться выше ватерлинии, поздравлял юных питомцев средней школы из Маркет-Снодсбери на церемонии вручения им ежегодных наград.

Когда я хочу рассказать анекдот о человеке, который уже фигурировал в моих историях, я вечно затрудняюсь: что именно следует сообщить о нем, предваряя свое повествование. Этот вопрос требует всестороннего рассмотрения. Вот, например, сейчас: если я буду считать, что моим слушателям все известно о Гасси Финк-Ноттле, те, кого не было в нашей компании в первый раз, мало что поймут. С другой стороны, если я для начала попытаюсь изложить историю жизни моего героя томах эдак в десяти, слышавшие меня раньше начнут давиться зевотой и роптать, дескать, знаем, знаем, переходи к

сути. По-моему, единственный выход — побыстрее оттараторить самое важное для непосвященных и с извиняющейся улыбкой развести руками перед остальными — вы уж, пожалуйста, потерпите минуту-другую, поболтайте о чем-нибудь забавном, я мигом закруглюсь.

Так вот, вышеупомянутый Гасси — мой приятель; достигнув зрелого возраста, он похоронил себя в деревенской глуши и посвятил все свое время изучению тритонов, держал этих тварей в аквариуме и буквально не сводил с них глаз, наблюдая за их повадками. Вы бы назвали его убежденным анахоретом — может быть, вам знакомо это слово — и попали бы в яблочко. Даже при самом буйном воображении невозможно себе представить, что этот чудак не от мира сего способен шептать нежные слова признания в розовое девичье ушко, дарить обручальные кольца и покупать разрешение на венчание в церкви. Но Любовь коварна. Увидев в один прекрасный день Мадлен Бассет, он втрескался в нее как последний идиот, послал уединенную жизнь к чертям, бросился ухаживать за Мадлен и после многочисленных злоключений добился взаимности, так что теперь ему в скором времени предстоит натянуть клетчатые брюки, воткнуть в петлицу гардению и предстать с этой мерзкой девицей пред алтарем.

Я называю эту девицу мерзкой, потому что она и вправду омерзительна. Вустеры славятся рыцарским отношением к женщине, но лицемерить мы не способны. Вздорная, кислая, сентиментальная дурочка, без конца томно закатывает глазки и сюсюкает, голова набита опилками, послушали бы вы, что она

несет о зайцах и звездах. Помнится, уверяла меня как-то раз, что на самом деле зайцы — это гномы из свиты какой-то там феи, а звезды — ромашки, растущие на небе у Господа. Чушь собачья, конечно. Никакие зайцы не гномы, а звезды — не ромашки.

Тетя Далия снова раскатилась своим басовитым смехом — воспоминание о речи Гасси перед питомцами школы в Маркет-Снодсбери неизменно вызывало у нее приступ веселья.

— Ох уж этот наш Виски-Боттл! Кстати, где он сейчас?

— Гостит в поместье папаши Бассета, Тотли-Тауэрсе, это в Тотли, в графстве Глостершир. Вернулся туда сегодня утром. Венчание будет проходить в местной церкви.

— Ты поедешь?

— Сохрани Господь!

— Понимаю, тебе было бы тяжело. Ведь ты влюблен в эту барышню.

Я вытаращил глаза.

— Влюблен? В кретинку, которая убеждена, что всякий раз, как какая-нибудь волшебница высморкается, на свет рождается младенец?

— Ну, не знаю. Однако же ты был с ней помолвлен, это всем известно.

— Ровно пять минут, и то по недоразумению. — Я был страшно уязвлен. — Дражайшая тетушка, вам отлично известна подоплека этой гнусной истории.

Настроение у меня испортилось. Не люблю вспоминать этот эпизод. Изложу его буквально в двух словах. Не в силах оторваться от своего давнего увлечения — тритонов, Гасси стал ухаживать за Мадлен Бассет через пень-колоду и даже попросил меня

временно оказывать ей знаки внимания вместо него. Не мог же я отказать другу, а эта полоумная решила, что я в нее влюбился. Кончилось тем, что после знаменитого выступления Гасси на церемонии вручения наград она отвергла его на какой-то срок и приблизила к своей особе меня, и мне осталось лишь смириться с приговором злой судьбы. Ну скажите, если девице вдруг втемяшилось, что вы сходите по ней с ума, и она является к вам с признанием, что дает своему жениху отставку и готова связать свою жизнь с вами, — так вот, спрашиваю я вас, разве есть у порядочного человека выбор?

К счастью, в последнюю минуту все уладилось, эти идиоты помирились, но меня до сих пор бросает в дрожь при мысли об опасности, которая нависла надо мной тогда. И если честно, я не буду чувствовать себя в безопасности, пока священник не спросит: «Согласен ли ты, Огастус?..» — и Гасси смущенно не прошепчет: «Да».

— Если хочешь знать, я и сама не собираюсь быть на этой свадьбе. Терпеть не могу сэра Уоткина Бассета и не желаю оказывать ему ни малейшего внимания. Подлец, негодяй!

— Стало быть, вы знаете этого старого мошенника? — удивился я, получив в очередной раз подтверждение истины, которую люблю повторять: мир тесен.

— Конечно, знаю. Он приятель Тома. Они оба коллекционируют старинное серебро и по поводу каждого предмета сварятся друг с другом как собаки. Месяц назад он гостил у нас в Бринкли. И знаешь, как оплатил за все наше радушие и гостеприимство? Попытался тайком переманить Анатоля!